

рабочим, бежавшим с брянских заводов. Там, как вам, вероятно, известно, был устроен в большей мере трудом самих рабочих с.-д. комитет, который, благодаря малой деятельности орловцев, очутился осенью прошлого года в руках с.-р., пославших туда одного человека» (Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905. Т. 2. М., 1975. С. 139.)

⁶⁹ Из прошлого. С. 12.

⁷⁰ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д. 5, ч. 20, л. 123.

⁷¹ История политических партий России. М., 1994. С. 150. Не случайно видный деятель партии эсеров С.Н. Слетов, совершивший в 1902 г. поездку по России, не нашел никакой организации, похожей на партию, на местах имелись «просто группы работавших людей». Подобную же картину он наблюдал и в 1903–1904 гг.

⁷² ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 230, д. 975, т. 2, ч. 2, л. 128.

⁷³ *Еремин А.И.* Общественно-политическая жизнь российской провинции: Центральный промышленный район. Орел, 1995. С. 21. По мнению Б.И. Николаевского, Гершуни приезжал в Орел для встречи с Брешко-Брешковской (*Николаевский Б.И.* История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1990. С. 74).

⁷⁴ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 207, л. 3.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д. 5, ч. 20, л. 107.

⁷⁶ Там же, д. 1300, ч. 56, л. 31, 45.

⁷⁷ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 307, л. 65–68, 561–563, 589–590.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д. 5, ч. 20, л. 1–2; Очерки истории Орловской партийной организации. С. 34.

⁷⁹ «Из среды бывших земских статистиков вышло немало крупных большевистских деятелей, – вспоминал Оболенский, – и едва ли я ошибусь, если скажу, что большая часть деятелей старой большевистской гвардии в какой-то период своей жизни прошла через земские статистические бюро» (*Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 152).

© 2011 г. П. В. ГАЛКИН *

ЗЕМСКОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ МОСКВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

По закону земский бюджет как на уездном, так и на губернском уровне формировался за счет окладных и неокладных сборов. К первым относились налоги с лесов и земель, с помещений фабричных и торговых заведений, с недвижимых имуществ в городах и жилых домов в уездах. Неокладные сборы включали в себя судебные пошлины, шоссейные сборы, пособия от казны и доходы с принадлежащего земству имущества и капиталов. Московское губернское земство в первые десятилетия своей деятельности основные доходы получало с документов на право торговли и промыслов (до 70%), причем большую часть их составляли суммы, собиравшиеся с предпринимателей Москвы. Это происходило потому, что губернский центр не являлся самостоятельной земской единицей, а москвичи, наряду с жителями губернии, были обязаны уплачивать земские сборы. При этом вопрос об обложении недвижимости Москвы долгое время земцами не поднимался. Ситуация изменилась в начале 1890-х гг., когда все сложнее стало обеспечивать земские расходы. Для пополнения доходной части сметы, по сути, имелось два возможных пути: поднять процент обложения на существующие предметы

* Галкин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).

или распространить земские сборы на объекты, до этого времени освобождавшиеся от них. В последнем случае подразумевалось расширение земского налогообложения на фабричные, торговые и промышленные помещения, расположенные в Москве. После непродолжительных прений гласные губернского земского собрания очередной сессии 1890 г. согласились с предложениями управы, постановив «взимать окладные сборы в размере 1.5% с доходного рубля с фабрик, заводских торговых и промышленных помещений в городах и уездах, не исключая помещений, находящихся в городе Москве». Одновременно было принято решение: «в виду разнообразия условий... воздержаться от привлечения к губернскому обложению жилых домов в городах и уездах»¹.

На данное постановление последовал протест со стороны губернатора кн. В.М. Голицына, который в принципе поставил под сомнение право земства на обложение московской недвижимости и назвал нарушением закона изъятие из налогооблагаемой базы домов, не имеющих торгово-промышленных заведений, так как тем самым «создался бы крупный косвенный налог собственно на торговлю и промыслы и была бы допущена неуравнительность и неравномерность в обложении недвижимых в городе Москва». В своих рассуждениях Голицын ссылаясь на указы Сената и Положение о земских учреждениях². В соответствии с законом 20 декабря 1890 г. протест губернатора был вынесен на рассмотрение губернского земского собрания. Гласные не согласились с доводами губернатора, и для разрешения спорной ситуации дело было направлено в Сенат, где проблему разделили на две составляющих. На вопрос, могут ли недвижимые имущества Москвы быть привлечены к обложению земским сбором, сенаторы дали положительный ответ, указав, что органы городского управления, «пользуясь правами и исполняя обязанности соответственных органов земского управления в уездах, должны стоять в тех же отношениях к губернским земским учреждениям, в коих к сим последним находятся и уездные земские учреждения». По второму вопросу, касающемуся соблюдения земством законности при определении раскладки и взимания земского сбора, Сенат поддержал позицию губернатора, посчитав, что «была допущена полная неравномерность в обложении одних источников земского сбора сравнительно с другими, каковая неравномерность не может быть признана согласно с законом»³. В результате указом Сената от 16 августа 1891 г. постановление Московского губернского земского собрания было отменено.

Однако, не дожидаясь решения Сената, на заседании 16 января 1891 г. московские земцы приняли постановление о необходимости обложения ½% земским сбором всех без исключения имуществ Москвы. На постановление последовал новый протест кн. Голицына, который указал, что принятие земством аналогичного решения нарушает порядок рассмотрения спорных вопросов. Губернское собрание не согласилось с протестом, и дело снова поступило в Сенат. В соответствующем указе, последовавшем 27 сентября 1891 г., говорилось, что, поскольку губернское земское собрание при обложении недвижимых имуществ «не выделило из общего числа оных какую-либо категорию их, а определило привлечь к обложению все городские имущества в городе Москве, то в сказанном постановлении... нельзя усмотреть той неуравнительности». Поэтому Сенат признал протест Московского губернатора «лишенным законного основания» и определил оставить его рапорт без последствий⁴.

Первые шаги, предпринятые земством по налогообложению московской недвижимости, привели к формированию недоброжелательной атмосферы в отношениях между органами самоуправления. Попытка земцев использовать городские окладные книги была воспринята как вмешательство в дела общественного самоуправления Москвы. В этой ситуации, чтобы обеспечить нормальную собираемость земского сбора, губернское земство предложило создать на паритетных началах особую комиссию для разработки вопроса о взаимных отношениях губернского земства и Московского общественного управления.

Общая атмосфера для создания такой комиссии оказалась крайне неблагоприятной. Ярким примером настроений, господствовавших в среде городских деятелей, стало заявление гласных К.В. Рукавишников, Л.Н. Сумбула и А.А. Шилова, поданное в 1892 г.

в городскую думу. В нем указывалось, что «с самого начала земской деятельности Москва являлась крупной вкладчицей в земскую кассу, уплачивая в последние годы до 250 000 рублей ежегодно в виде неокладных сборов». Городские гласные не постеснялись обстоятельно посчитать деньги в чужом кармане, заявив, что только «благодаря такому безвозвратному пособию со стороны г. Москвы возможно было губернскому земству: проложить до 500 верст новых шоссейных дорог, выстроить и содержать до десяти лечебниц, оказывать значительное пособие делу народного образования, устроить ветеринарный надзор, развить статистическую часть, двинуть вопрос о поддержке кустарных промыслов и т.д.»⁵. Приведенная выше претензия городских деятелей создавала полное впечатление, что все сделанное губернским земством стало возможным лишь благодаря сборам с документов на право торговли и промыслов в Москве. Вполне естественно напрашивался вывод о недопустимости в принципе расширять налогооблагаемую базу за счет московской недвижимости. Дальнейшие рассуждения были посвящены критике земской финансовой политики, которая, по их мнению, не учитывала реальных возможностей губернских налогоплательщиков. Единственный выход из данной ситуации гласные видели в возбуждении ходатайства перед правительством о выделении Москвы в самостоятельную земскую единицу, полностью независимую от губернского земства.

Среди земцев, напротив, господствовали настроения победителей. Это наглядно прослеживается в материалах губернского собрания, состоявшегося в январе 1891 г., когда было внесено коллективное заявление, подписанное 48 гласными. В нем говорилось, что «правительственной властью право было признано за губернским земством», а также подчеркивалась необходимость признать «не только по силе формального права, но и в силу твердого убеждения, что размер участия г. Москвы в земских расходах основан на началах справедливости»⁶. Закономерным итогом таких настроений стало то, что в течение последующих полутора лет комиссия практически не работала, и ситуация изменилась лишь после смены состава губернской управы, где вместо Д.А. Наумова председателем стал Д.Н. Шипов. В сентябре 1893 г. новый председатель управы обратился к также недавно избранному московскому городскому голове К.В. Рукавишникову с предложением возобновить деятельность согласительной комиссии. Предварительно 23 сентября была проведена частная беседа, в которой кроме глав двух органов самоуправления приняли участие товарищ городского головы Н.Н. Щепкин и со стороны земства Ф.Д. Самарин. Во время этой беседы были намечены следующие положения, вынесенные затем на общее заседание комиссии: «5. Если московской думе, вследствие предъявления со стороны администрации требований, вызывающих новые крупные расходы, обязательные для города, независимо от согласия думы, придется увеличить процент своего обложения на предстоящий сметный период, то в этом году процент земского обложения не должен быть повышаем. 6. Губернским земским собранием и городской думой будет предъявлено ходатайство пред правительством о том, чтобы тахитим размера обложения земским сбором недвижимых имуществ Москвы не превышал половины размера обложения в том же году этих имуществ городским сбором»⁷.

По воспоминаниям Шипова, все земские представители признали намеченные положения приемлемыми, но со стороны членов комиссии от городской думы последовали возражения. Они предлагали сделать максимальный размер земского обложения не превышающим городского сбора, а темпы увеличения земского сбора в одном году не превышающими ¼% с доходности облагаемых имуществ. Однако комиссия так и не пришла к определенному соглашению. Вопрос оставался открытым до 1895 г., когда Шипов вновь обратился к московскому голове и тот в свою очередь сообщил, что возобновление занятий комиссии возможно только при условии, если губернское земство будет согласно определить максимальный размер обложения городских имуществ не выше 1.5%, потому что «эта сумма соответствует действительной потребности губернского земства»⁸. По сути это был ультиматум, но земцы, стремясь положить конец пререканиям, сочли возможным удовлетворить требования городских гласных в

постановлении от 27 января 1895 г., с оговоркой, что земство сохраняет за собой право применения к оценке фабрик и заводов Москвы нормы, выработанные для оценки фабрик и заводов в уездах⁹.

Указанное постановление было передано в городскую управу, но никакого решения со стороны городской думы не последовало, и работа согласительной комиссии так и не стала конструктивной. Городские гласные, избранные в губернское земское собрание, ежегодно протестовали при внесении в земскую смету сбора с московской недвижимости и прилагали к журналам особое мнение. Между тем размер земского сбора с московской недвижимости повысился с 1% от доходности в 1892 г. до 1.4% в 1898 г. Как следствие, пытаясь наверстать упущенные возможности, Московская дума вынуждена была согласиться на установление наивысшей нормы обложения земским сбором и на принципы оценки фабричных и заводских зданий, применявшиеся губернским земством. (Главное различие между ними заключалось в том, что городская оценка не принимала в расчет стоимость машин.)¹⁰

В том же 1898 г. земский гласный от Москвы В.И. Герье поднял вопрос об участии губернского земства в организации трудовой помощи в Москве и предложил образовывать для его разработки особую комиссию. Земское собрание единогласно приняло это предложение, избрав членами комиссии гласных: самого Герье, М.В. Духовского, Ф.Е. Клейста, В.М. и В.В. Пржевальских и Н.Н. Щепкина. Через год совместной работы комиссии и губернской управы земскому собранию был представлен доклад «По вопросу об участии губернского земства в организации трудовой помощи в г. Москве». Итогом его обсуждения стало постановление о выплате из земского бюджета ежегодного пособия городскому дому трудолюбия в размере 2 тыс. руб. и оплаты расходов этого учреждения на коренных жителей Московской губ., проживающих в Москве менее 2 лет, за вычетом их заработка¹¹. Таким образом, инициатива Герье способствовала началу практического участия губернского земства в расходах на общественное призрение в Москве.

В конце 1899 г. в связи с предстоявшей переоценкой городских недвижимых имуществ, которая должна была значительно увеличить размер земского сбора, Герье предпринял попытку привлечь внимание к этой проблеме городской думы, куда он подал заявление о необходимости пособия со стороны губернского земства на такие нужды «губернского населения, которые подлежат удовлетворению в г. Москве». В качестве возможных направлений финансового участия земства назывались: «упорядочение... ночлежных приютов для пришлого населения», «справочная контора и биржа труда», дом труда «для пришедших в крайность до приискания работы» и даже «забота о доставлении трудящимся полезного и воспитательного праздничного отдыха»¹². Статистика по финансированию городских учреждений свидетельствовала о том, что в некоторых из них большая часть средств тратилась на пришлое население. Так, например, в рабочем доме затраты на жителей Москвы составляли всего 17%, на выходцев из Московской губ. приходилось 36.5%, а остальные деньги расходовались на представителей других губерний¹³. Естественно, что городская власть была заинтересована в компенсации части затрат из земского бюджета. Поэтому дума поддержала инициативу Герье, была образована комиссия под его председательством, и в декабре 1900 г. одобрены подготовленные в ней предложения. В частности, предусматривалась возможность земского финансирования рабочего дома и призрения крестьян, проживающих в городе менее 2 лет. Причем вопрос об установлении предельного размера земского сбора с московской недвижимости был напрямую увязан с получением ответа на данное предложение городской думы. Между тем уровень обложения московской недвижимости достиг отметки в 1.5%, сравнявшись при этом с налогом на внегородскую недвижимость, установленную в губернии еще 10 лет назад. В абсолютных значениях Москва ежегодно вносила в бюджет земства колоссальную сумму: только окладные сборы с недвижимости превысили 563 тыс. руб., а ведь помимо них выплачивалось еще 237 тыс. руб. налогов с документов на право торговли и промыслов, что в итоге составляло 46% всех доходов губернского земства¹⁴.

В докладе губернской управы, подготовленном Герье по материалам комиссии к очередной сессии земского собрания 1901 г., подход к проблеме взаимоотношений двух органов самоуправления также был достаточно конструктивным. Земцами намечались разнообразные направления совместной деятельности, начиная с устройства дорог и заканчивая санитарными мероприятиями, и выражалась надежда на расширение сотрудничества. Однако обсуждение проекта на заседании губернского собрания в декабре 1901 г. оказалось не столь радужным и выявило комплекс противоречий между деятелями земского и городского самоуправления.

Первым выступал Герье, который выразил сочувствие точке зрения земской управы и отметил во взаимоотношениях Москвы и губернского земства три периода: период полного отчуждения; период розни, вызванный обложением Москвы; и, наконец, вновь открывающийся период единения и общей деятельности. Поясняя содержание третьего периода, Герье отмечал: «Губернская управа идет навстречу желаниям городского управления, которое ходатайствует об оказании помощи сельскому населению, временно живущему в Москве, и учреждениям, служащим не для одного городского населения». Другой представитель московского самоуправления Н.И. Гучков высказывался более категорично: «Ходатайства городской думы, о которых идет речь, – последняя попытка города установить соглашение». Далее он выступил с критикой земцев: «Управа выражает в принципе полное сочувствие ходатайствам городского управления, но, переходя на практическую почву отдельных ходатайств, управа предлагает дать в результате городу 5 000 руб., тогда как... город ожидал затраты со стороны земства до 120 000 руб.»¹⁵.

Шипов, отвечая гласным от Москвы, поддержал Герье, отметив новую фазу во взаимоотношениях города и земства: «Городское управление теперь не высказывается против земского обложения, но признает, что город и губерния составляют общую земскую семью». По поводу высказывания Гучкова о недостаточности размера пособия сравнительно с ожиданиями города Шипов заметил, что в ходатайстве думы указан не размер, а источник, из которого губернское земство может дать пособие. «Понимать это указание иначе, – подчеркнул председатель управы, – значило бы идти в разрез с признанным губернским земством принципом, по которому поступающие в земскую кассу суммы обращаются на нужды всего населения губернии»¹⁶.

После завершения прений гласные приняли постановление, частично учитывавшее интересы обеих сторон. В нем утверждалась смета расходов на содержание дома трудолюбия в размере 7 тыс. руб., а финансирование земством содержания в работном доме заключенных, не принадлежавших к коренному московскому населению, а также содержания в доме трудолюбия лиц, пришедших из других губерний, было решено передать на дополнительное рассмотрение губернской управы и особой комиссии. В нее были избраны В.И. Герье, В.А. Бахрушин, Н.И. Гучков, В.В. Пржевальский, Ф.Д. Самарин и Н.Ф. Рихтер. В процессе работы им не удалось прийти к единому мнению в отношении участия земства в призрении выходцев из других губерний, так как часть членов комиссии считали, что Москва нуждается в таких работниках «для удовлетворения своих многочисленных и разнообразных потребностей». В отношении выходцев из Московской губ., проживавших в городе менее 2 лет, была выведена среднестатистическая сумма затрат, равная 13.6% от общих расходов городского управления по работному дому и дому трудолюбия. Эти средства предлагалось выплачивать в бюджет городского самоуправления при условии предоставления губернскому земству участия в их управлении¹⁷.

При обсуждении доклада на заседании земского собрания в декабре 1902 г. Герье занял более активную позицию, стараясь прежде всего отстоять интересы городского управления. Он в частности указал, что по распоряжению министра внутренних дел лица, проживающие в Москве менее 2 лет, не могут рассчитывать на пособие от городских попечительств, а поэтому, если губернское земство откажется принимать участие в их содержании, они окажутся лишенными всякой помощи. Напротив, оказывая призрение пришлому населению других губерний, Московское земство «будет проводить

идею земскую, идею земской солидарности». При этом соответствующие затраты, по мнению Герье, было возможно компенсировать за счет соглашения с земствами соседних губерний. Сложно сказать, какие именно аргументы Герье повлияли на земцев (обращение к «земской идее» или возможность созыва съезда по вопросам общественного призрения), но Шипов заявил, что губернская управа «находит возможным видоизменить первоначальное предложение свое и полагает, что... следует принять на средства Московского губернского земства призрение нуждающегося пришлого населения из других губерний, но лишь в том случае, если они прожили в г. Москве менее 2 лет»¹⁸. В итоге сметное назначение было увеличено с 13.6 до 41.28% от суммы расходов городского управления по данной статье.

Казалось, что этим постановлением подводится черта под всеми разногласиями общественных деятелей, и между земством и городским управлением Москвы установится взаимное согласие. Однако уже через неделю в рамках той же сессии отношения вновь накалились. Причиной стало решение земцев об увеличении размера обложения московской недвижимости с 1.5 до 1.6% от доходности. Гласные от Москвы подали коллективный протест, в котором говорилось, что обложение московской недвижимости в одинаковом размере с другим имуществом губернии представляется «крайне несправедливым и неравномерным», так как переоценка имуществ Москвы производилась в 1900 г., а в уездах земли не переоценивались в течение нескольких лет и потому доходность имущества в них существенно занижена: «Есть случаи, в которых чистая доходность земель, подлежащих обложению, в десять раз ниже действительной их доходности»¹⁹. Особое мнение гласных было приложено к журналу собрания, но провести переоценку недвижимости в уездах в короткий срок оказалось задачей нереальной.

Эта же линия была продолжена в декабре 1903 г. на заседании Московской городской думы, где рассматривался очередной доклад, посвященный проблеме участия земства в городских расходах. В нем приводились расчеты соотношения выплачиваемых городом земских сборов и финансирования земством городских проектов, на основании чего делался вывод, что на момент составления доклада городу возмещалось не более $\frac{1}{20}$ части средств. Одновременно с заявлением по этому вопросу в думу обратился Гучков, утверждавший как данность существование десятикратной разницы в обложении недвижимости Москвы и губернии и предлагавший для устранения указанной «несправедливости» повысить действующие нормы оценки недвижимых имуществ в уездах (за исключением фабрик) хотя бы в 5 (!) раз²⁰. Гласные поддержали мнение Гучкова, постановив «просить губернского земское собрание об ускорении хода оценочных работ по губернии с таким расчетом, чтобы раскладка губернского сбора уже 1 января 1905 г. могла быть произведена на основании норм доходности, выведенных из материалов последних оценочных работ»²¹.

В начале 1904 г., не дожидаясь решения губернского земства, гласные Московской думы вновь вернулись к проблеме систематического увеличения земского сбора. Причем в ходе обсуждения выявилось несколько точек зрения. Дискуссию открыл Ф.Ф. Воскресенский, поставивший вопрос ребром: «не следует ли городскому управлению ходатайствовать о выделении г. Москвы в отдельную единицу, с тем чтобы те суммы, которые приходится в настоящее время ежегодно выплачивать (последний год свыше 800 000), могли бы пойти на нужды городского управления, а не на нужды губернского земства»²². И хотя к данному заявлению многие гласные отнеслись сочувственно, обсуждение все-таки попытались повернуть в более реалистичном направлении. С продолжительной речью выступил Н.И. Шубинский: «Я не хочу сказать, что земство ничего не делает для Москвы... Земство приносит великую пользу; оно устраивает хорошие дороги, по которым к нам едут продукты за более дешевую цену... Санитарное положение всей губернии – важный вопрос для г. Москвы... Народ является в Москву здоровым, а пробыв 10 лет, возвращается больным, калекой на родину. Так им нужны настоящие больницы и настоящая обстановка, которая помогала бы им жить. Стало быть, вопрос об общих нуждах ставится широко, но пусть он будет уяснен».

В заключение гласный предложил создать совместную комиссию, чтобы выработать единое представление о том, что «такое общие нужды и интересы двух общественных единиц»²³. Дальнейшие рассуждения гласных выстраивались вокруг этих позиций и были посвящены выяснению способа воздействия на земство для сдерживания роста налогового бремени. После продолжительных прений было решено поручить составление доклада двум городским комиссиям (финансовой и по губернскому земскому сбору), где предполагалось осветить вопросы об установлении максимального процента земского обложения, проблемы отношений между земством и городом, и в том числе вопрос о выделении Москвы в особую земскую единицу. Однако это поручение сначала не было исполнено в связи с переизбранием городской думы, а затем в 1908 г. работы приостановились «в виду возбуждения вопроса о выделении крупных городов из состава губернских земств по инициативе Министерства внутренних дел»²⁴.

Претензии, заявлявшиеся городскими деятелями, были справедливы лишь отчасти, поскольку в Московской губ. по отношению к разным видам недвижимости существовали особые подходы к их оценке. Так, например, в уездных городах, начиная с 1900 г. ежегодно переоценивалась $\frac{1}{5}$ часть фабрик, хотя основные претензии городской думы касались именно этой сферы. А к переоценке земельных имуществ земцы действительно приступили только после обращения думы. Весной 1905 г. губернским собранием были одобрены нормы доходности десятины земли, подготовленные губернской оценочной комиссией, и направлены на рассмотрение уездных земских управ. Однако уездные земские собрания не приняли эти оценочные нормы, а проходившее осенью того же года совещание председателей уездных управ признало правильным понижение норм на 30%.

Единственным позитивным, с точки зрения городских деятелей, явлением стало последовательное соблюдение земством своих обязательств по содержанию московского рабочего дома и дома трудолюбия, где призревались нищие, в том числе отбывавшие наказание по приговору суда, а также добровольцы, обращавшиеся с просьбой о предоставлении работы. Начиная с 1903 г., когда пособие было установлено в размере 41.28% от суммы расходов городского управления, его абсолютные значения росли весьма быстрыми темпами. Так, например, если в 1903 г. пособие составляло 33 586 руб., то в 1906 г. оно увеличилось вдвое, а в 1908 г. – втрое от первоначальной суммы. Помимо этого, губернское земство ежегодно выделяло 2 500 руб. на пособие попечительству Хитрова рынка и до 8 тыс. руб. на призрение бедных, обращавшихся за пособием, причем среди них жители Московской губ. составляли $\frac{1}{5}$ часть, большинство же являлись выходцами из соседних губерний²⁵. В их числе крестьяне, не нашедшие работы, вдовы с малолетними детьми, одинокие старики и хронические больные. Однако средства, получаемые таким образом на городские нужды, конечно, не шли ни в какое сравнение с теми отчислениями, которые поступали с московской недвижимости в земский бюджет (к тому времени они составляли около 1 млн руб., а значит, в городскую казну в лучшем случае возвращалась лишь каждая десятая копейка).

Тема получила дальнейшее развитие в 1909 г., когда городская управа подготовила ответ на запрос Главного управления по делам местного хозяйства МВД об отношении Москвы к земству. В документе подчеркивалась диспропорция налогообложения и расходов на нужды города: «За семь лет со времени принятия губернским земским собранием постановлений об оказании городу Москве “широкой помощи” в призрении пришлого населения земство получило, сравнительно с нормой 1901 г., лишних два миллиона рублей (точнее 2 004 500 руб.), израсходовав из этой суммы на нужды города менее полумиллиона (около 450 тыс. руб.)»²⁶. По мнению городской управы, московские налогоплательщики не имели в губернском собрании даже полноценного представительства, поскольку в пропорции от численности населения «интересы 13 уездов представлены в собрании в $3\frac{1}{2}$ раза полнее, чем нужды столицы», а из расчета уплачиваемого земского сбора представительство Москвы и вовсе уступало губернии в 6 раз. Единственным способом решить указанные проблемы городские гласные считали выделение Москвы в особую земскую единицу. В записке, направленной в

Главное управление по делам местного хозяйства, такая возможность обосновывалась в том числе и с точки зрения экономических процессов. В частности отмечалось, что городская перепись 1902 г. выявила устойчивые и прочные связи Москвы с уездами Тульской, Рязанской, Калужской и Смоленской губ., для жителей которых привлекательность столицы как места работы значительно сильнее, чем во многих местностях Московской губ. Полагая, что вопрос о выделении Москвы в особую земскую единицу может быть решен положительно в ближайшее время, городские деятели продемонстрировали даже определенную заинтересованность в сохранении губернским земством платежеспособности: «Единовременное лишение губернского земства 1½ млн. руб. дохода было бы равносильно финансовому банкротству Московского земства, сделавшего так много для поднятия благосостояния и просвещения населения Московской губернии. Ввиду этого, было бы возможно рассрочить ликвидацию взаимоотношений между г. Москвой и губернским земством на ряд лет, в течение коих обложение г. Москвы губернским сбором понижалось бы постепенно, с установленной законом прогрессией»²⁷.

Документ, направленный в МВД, очевидно, носил конфиденциальный характер, но ожидание перемен в статусе общественного управления Москвы, по-видимому, сказалось на общем настроении части городских гласных, потому что на некоторое время попытки повлиять на губернское налогообложение прекратились. По поручению финансовой комиссии городской думы вопрос об отношениях между двумя структурами самоуправления был детально разработан юридическим отделом. И вывод, к которому пришли юристы, впервые за долгие годы противостояния органов самоуправления демонстрировал готовность городских деятелей учитывать интересы обеих сторон: «Нельзя не признать основательности доводов в известной степени за теми и другими. Несправедливо взимать с городов значительные суммы, не отдавая им почти ничего, а с другой стороны существующее положение земства, поставленное законодательными ограничениями в такие условия, что лишись оно сбора с городов, то нарушится вся деятельность земств и, следовательно, культурная работа всей губернии – не может не обращать на себя внимания»²⁸. Поэтому, поддерживая правительственный проект, городские деятели справедливо замечали, что «пока не будут проведены те крупные финансовые реформы, которые необходимы для усиления средств земства, фактическое выделение города не может осуществиться, ожидать же таких реформ в более или менее близком будущем вряд ли возможно»²⁹. В связи с этим представители юридического отдела рекомендовали гласным выступить с ходатайством об издании в виде отдельного закона временных правил, регулирующих отношение города к губернскому земству. В них предлагалось установить предельную норму земского налогообложения и рекомендовалось создать особый совет из представителей города и земства для определения направления расходов средств, поступающих в земский бюджет за счет налогов с горожан. К сожалению, на основе документации городского управления пока не удалось выяснить, было ли реализовано данное начинание.

Между тем в земстве продолжалась работа по уравниванию налогообложения Москвы и уездов. В январе 1909 г. губернское собрание утвердило новые нормы оценки городских недвижимых имуществ, на основе которых была проведена раскладка земского сбора. Одновременно земцы решили привлечь к налогообложению имущества Москвы общей доходностью более 1 млн руб., в том числе городские земли, сдаваемые в аренду под постройки, склады, сады и огороды; городские здания (бани, лавки, крытый рынок, винный и соляной дворы); а также места, предназначенные для торговли, размещения извозчичьих экипажей и даже «места для гуляний»³⁰. В последующие годы повышение размера земского сбора продолжилось: в 1911 г. он составил 1.95% от доходности московской недвижимости, в 1913 г. достиг 2.15%, что не могло не вызывать постоянные протесты представителей Москвы в губернском собрании³¹. Не последнюю роль в увеличении размера земского сбора сыграл закон 6 июня 1910 г., предусматривавший ограничение права повышать налогообложение недвижимых имуществ Москвы до 5% от казенной оценки их доходности. И хотя это было вдвое больше существовавшей

нормы, земцы, в первую очередь, усмотрели в законопроекте то, что повышение налога теперь будет допускаться только с одновременным увеличением налогообложения прочих недвижимых имуществ губернии (последняя норма вступала в силу с 1912 г.)³².

Новый этап во взаимоотношениях двух общественных структур начался в 1914 г., после того, как земцы посчитали необходимым принять за основу губернского налогообложения данные генеральной переоценки, проведенной городским управлением. В результате размер земского сбора со столичной недвижимости должен был увеличиться с 1.7 до 2.6 млн руб. Естественно, что в свете таких перспектив обсуждение доклада финансовой комиссии на заседании земского собрания прошло в жарких спорах. Открыл дискуссию московский городской голова М.В. Челноков, заявивший, что использование земством новых оценок городской недвижимости несправедливо и незаконно. «Москва представляет собою 14-й уезд, — отмечал Челноков. — Считает ли управа справедливым, чтобы один уезд из всей губернии был обложен на иных основаниях, чем другие уезды. Справедливо ли, чтобы все уезды не производили переоценки, а один уезд произвел бы ее и в очень крупных размерах. Я не могу себе представить такого положения»³³. В качестве подтверждения своей линии городской голова указал на решение Сената по Мологскому уезду Ярославской губ., в котором состоялась переоценка, и попытка губернского земства воспользоваться повышенным обложением была обжалована в Сенате. Далее Челноков перешел к открытому шантажу, говоря про обжалование земского постановления в Сенате и даже о полном отделении Москвы «как земской единицы».

В ответном выступлении председатель губернской земской управы Ф.В. Шлиппе настаивал на использовании данных новой генеральной переоценки: «Город Москва в муниципальном отношении отделен от уезда и составляет самостоятельную единицу, а потому, с каким же уездом сумма сборов должна быть приведена в соответствие». В отношении обвинения о «несправедливости» повышенного налогообложения Шлиппе привел данные о том, что переоценка недвижимости в губернии в течение предшествующего десятилетия проходила более интенсивно, и в результате окладной сбор повысился по разным видам имуществ от 50 до 150%, в то время как оценка московской недвижимости повысилась всего на 43%.

Челноков постарался перевести дискуссию из формально-правовой плоскости в нравственно-оценочную: «Мне кажется, что причина заключается в том, что финансовое положение губернского земства по отношению к тем потребностям, которые оно призвано удовлетворять, является неудовлетворительным, и потому приходится идти по пути наименьшего сопротивления, приходится доводить до конца право брать деньги там, где это возможно»³⁴. Далее городской голова указывал на пагубность такого подхода, поскольку это приводит к обострению отношений между городом и губернией, и предлагал земству выяснить тот реальный объем потребностей, в котором нуждаются жители губернии.

Ключевая мысль, позволившая гласным прийти к компромиссу, прозвучала в выступлении председателя Московской уездной управы И.Б. Месснера: «Я согласен с мнением, высказанным М.В. Челноковым, что здесь не следует решать один теоретический вопрос, а нужно помнить, что в известных случаях своим правом нужно “пользоваться не до конца” и нужно разобраться, в каких случаях нужно “не до конца” пользоваться своим правом»³⁵. Следующим выступал бывший московский голова Н.И. Гучков, который заявил о солидарности с мнением Челнокова в части возможного выделения города в самостоятельную земскую единицу: «Если необходимо взаимодействие в интересах г. Москвы и в интересах земства, то пути для этого взаимодействия всегда найдутся и в том случае, если г. Москва будет самостоятельной губернской единицей — будет добровольно устроена федерация, будут устроены соединенные штаты, но уже не на основании требований действующего закона, а на основании соглашения, которое окажется неизбежным и для города, и для земства». Финал речи Гучкова оказался неожиданным: он указал на то, что история взаимоотношений Москвы и губернского земства насчитывает четверть века, а значит есть основание достойно отметить

это событие: «25-летнее прошлое – обычно юбилейное прошлое, серебряная свадьба... Неужели в этом году... мы не сможем объединиться, чтобы действительно с улыбкой получать те подарки и серебряные блюда, которые будут нам подноситься»³⁶.

Гучкову пытались возражать председатель финансовой комиссии Н.Н. Хмелев и член губернской управы М.А. Нарожницкий. Оба они проводили мысль о том, что земское налогообложение Москвы не является критическим, и в сравнении, например, с Саратовом и Харьковым московские налогоплательщики освобождены от сборов в пользу уездного земства, а также указывали на то, что большие абсолютные цифры окладных сборов существуют именно потому, что Москва – богатый город, но при этом налогоплательщики в губернии осуществляют платежи по той же процентной ставке. Однако эти доводы уже не имели решающего значения, поскольку общий настрой, во многом созданный гласными от Москвы, был явно в пользу поиска компромисса. В результате по итогам обсуждения было решено передать финансовый доклад в комиссию об установлении соглашения между Москвой и земством. Она была сформирована в предыдущую сессию (в феврале 1914 г.) на паритетных началах представителей от города и земства. Из прежнего состава в ней остались Н.И. Гучков, Л.Л. Кутуар, Н.В. Тесленко, Н.К. Фон-Мекк, Н.Н. Хмелев и А.М. Чернов, а взамен выбывших членов были включены гласные, заявившие активную позицию в ходе дискуссии – С.Д. Ижболдин, И.Б. Месснер, М.В. Челноков.

20 февраля 1915 г. комиссия представила на рассмотрение земского собрания свое заключение, получившее также одобрение губернской управы. Найденный ими компромисс оказался весьма неожиданным. В частности, предлагалось выделить половину дополнительного дохода, который земство планировало получить в 1915 г. благодаря генеральной переоценке городских имуществ, в распоряжение московского общественного управления. Правда, не все члены комиссии разделяли итоговое заключение. Так, например, председатель Рузской земской управы А.М. Чернов заявил, что «в смысле воспособления не миллиардная Москва нуждается больше, чем ничтожный Рузский уезд»³⁷. Ему возражал С.Д. Ижболдин: «Я хочу ответить А.М., что здесь нет мотива воспособления. Вы изволили жестоко ошибаться: здесь есть мотив взаимодействия. Это громадная разница»³⁸. Позицию Чернова поддержал председатель Клинской управы А.Н. Львович-Кострица: «Может случиться, что те деньги, которые мы ассигнуем... пойдут на те нужды, которые, по нашему мнению, могли бы, может быть, десятки лет оставаться без удовлетворения без всякого ущерба интересам г. Москвы и интересам губернского земства». В защиту заключения комиссии выступил И.Б. Месснер, указавший, что не существует закона, запрещающего земству делать ассигнования на нужды городского управления. И в качестве возможных направлений расхода этих средств он назвал противоэпидемические мероприятия в пригородных районах.

Подводя итог продолжительной дискуссии, председательствовавший на собрании губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин постарался учесть прозвучавшие мнения и соответственно уточнить заключения комиссии. Однако дискуссия едва не продолжилась с новой силой, и председателю пришлось ставить на голосование сначала каждое изменение в отдельности, а затем уже уточненные пункты в целом. Постановление получилось с явным оттенком компромисса. В нем значилось: «Признать, что впредь до принятия... половина всего прироста губернского земского сбора с недвижимых имуществ и фабрик г. Москвы от новой генеральной переоценки 1914 г., получаемого сверх суммы земского сбора с доходности по старой оценке, должна быть обращена на нужды московского городского населения»³⁹. Указанная сумма на 1915 г. определялась в размере 440 568 руб., при этом вводилась оговорка, что данные условия станут возможными только после одобрения их Московской городской думой.

Сумма, предлагавшаяся таким образом московскому общественному управлению, вдвое превосходила земские затраты на нужды общественного призрения, составлявшие в том же сметном году всего 221 тыс. руб. Несмотря на красивую риторику, прозвучавшую на заседании земского собрания, все-таки, на мой взгляд, следует согласиться с доводами губернских гласных, оставшихся в меньшинстве при принятии решения

и полагавших, что в данном «воспособлении» на первый план выходила сделка двух органов самоуправления. Причиной, по которой земцы пошли на такое соглашение, стала неясность закона 1910 г. Причем доводить дело до рассмотрения в Сенате не стремилась ни одна из структур, потому что в случае разрешения спора в пользу земства город терял окончательную надежду на снижение земского сбора, а при толковании закона в интересах городского управления за земством сохранялась возможность проведения переоценки имуществ губернии и постановки проблемы заново в полном объеме. Учитывая сроки рассмотрения дел в Сенате, можно предположить, что горожане при любом варианте развития событий успели бы выплатить годичный окладной сбор, взыскать который обратно с земства было бы весьма затруднительно.

Приведенные постановления были одобрены губернским по земским и городским делам присутствием, после чего их направили в городское управление, где они прошли тщательную экспертизу на совместном совещании городской управы, финансовой комиссии и гласных, имеющих юридическое образование. В докладе, опубликованном по итогам совещания, отмечалось, что «в случае принятия предложенной губернским земством формулы соглашения, полученная городом сумма полностью должна идти на удовлетворение городских нужд, быть может, преимущественно окраинных частей города, сопредельных с земством, бесспорно требующих очень многого для упорядочения своего благоустройства. Таким образом, город получает возможность ускорить разрешение стоящей перед ним в данной области городского хозяйства задачи и перейти на путь практического удовлетворения взаимных интересов города и земства»⁴⁰. Однако трое участников совещания с решающим голосом заявили об особой позиции. Гласный П.А. Работкин настаивал на необходимости ограничить соглашение одним годом; товарищ городского головы В.Д. Брянский предлагал довести дело до окончательного решения в Сенате; а гласный С.Д. Ижболдин, напротив, соглашаясь с основными положениями доклада, посчитал необходимым указать, что, по его мнению, следовало бы «вопрос о соглашении с губернским земством поставить во всей широте, полагая, что именно теперь наступил момент, когда этот сложный вопрос о соглашении должен получить свое практическое разрешение»⁴¹.

Проблема обсуждалась на заседании городской думы 28 апреля 1915 г., причем гласные почти поровну разделились на сторонников и противников соглашения с земством. Сторонники подписания соглашения доказывали, что оно позволит в полной мере реализовать «государственные задачи», стоящие перед органами самоуправления, и достичь объединения их усилий благодаря совместной работе. С ярким заявлением выступил Ижболдин, указавший, что это вопрос не формальный, а общественный и государственный. Он пытался убедить оппонентов в том, что город и земство составляют одно универсальное целое и что отграничиться городу от проблем губернии невозможно, а потому следует объединять усилия. С тех же идейных позиций выступил секретарь городской думы Н.И. Астров, полагавший, что данный вопрос следует рассматривать не только с точки зрения формального права, а прежде всего с точки зрения приобретения будущих прав, обеспечивающих общественные интересы. Городской секретарь призывал бережно отнестись к предложениям земства и настаивал на том, что решение вопроса поможет соединить «земскую и городскую Россию» и стать положительным примером для органов самоуправления в масштабах всего государства. Астров говорил о возможном начале «новой эры» в жизни общественных учреждений и одновременно выражал искреннюю озабоченность тем, что из-за разногласий среди городских деятелей наметившееся сближение двух структур может не состояться. «Я откровенно скажу, что боюсь сегодняшнего вечера, – заявлял он. – Я очень боюсь, что мы сегодня вынесем такое решение, которое отбросит назад это народившееся было соглашение с земством и городским управлением»⁴². В поддержку соглашения также выступили гласный П.Н. Диатроптов, говоривший о необходимости перейти от антагонизма между городом и земством к совместной работе, и С.В. Бахрушин, считавший такой подход единственным способом «достигнуть некоторых успехов в губернии, которые, несомненно, принесут громадную пользу и для города»⁴³. А известный деятель

городского управления Н.Н. Щепкин призвал не повторять уроков прежних лет, когда в 1890-х гг. нежелание идти на компромисс привело к срыву соглашения о предельности земского обложения московской недвижимости.

Среди противников заключения соглашения (в их числе были выступившие на заседании Д.Н. Головин, А.А. Дурилин и М.Г. Холмогоров) преобладало мнение, суть которого выразил гласный А.С. Шмаков: «Я имею честь доложить, что мы, только поверенные, обязаны хранить оказанное нам доверие и чужими деньгами бросаться не можем, хотя бы во имя идеальных соображений, ибо это будет злоупотреблением доверием»⁴⁴. Подвел итог этой дискуссии председательствовавший на заседании товарищ городского головы В.Д. Брянский. Он посчитал преждевременным подписание соглашения до тех пор, пока не будет доведена до логического завершения попытка оспорить применение земского налогообложения московской недвижимости по новой генеральной оценке. Одновременно председатель предложил поручить согласительной комиссии продолжить свою работу и подготовить соглашение о расходовании дополнительных сумм, полученных в результате переоценки имущества, на те направления, в которых город заинтересован. «При таком условии, – заявил он, – это могло бы быть началом не новой эры, а известного реального соглашения между интересами городского управления и земства»⁴⁵. В итоге все предложения объединенного совещания были отклонены большинством голосов (49 против 38), а объединяющим для городских деятелей неожиданно оказалось очередное предложение Ф.Ф. Воскресенского о необходимости выделения Москвы в особую земскую единицу. Гласные единогласно решили передать его на рассмотрение городской управы и финансовой комиссии⁴⁶.

Приговор городской думы фактически поставил крест на всех попытках найти взаимоприемлемое решение, а со стороны земства в отношении городской недвижимости была продолжена прежняя линия по расширению налогооблагаемой базы. Причины такого подхода объяснялись в одном из докладов губернской управы: «Вследствие предстоящих на 1916 г. крупных расходов по земской смете и могущего быть недополучения земских сборов, губернская земская управа считает необходимым, в целях предупреждения наступления острого финансового кризиса земского хозяйства Московской губернии, незамедлительно приступить к изысканию новых источников земских доходов»⁴⁷. В результате земцами было решено распространить губернский сбор на недвижимые имущества, принадлежавшие московскому городскому управлению. В их числе оказались городские бойни, газовый завод и типография, центральная электростанция с подстанциями, 8 трамвайных парков, 22 пожарных и полицейских части и 5 городских ломбардов. Доходность этого имущества была оценена в 2 760 тыс. руб., т.е. появлялся дополнительный источник доходов в размере около 60 тыс. руб.⁴⁸ Причем в обоснование своих прав на налогообложение губернская управа по большинству из перечисленных имуществ ссылалась на указы Сената последних лет.

В апреле 1916 г. при обсуждении этого вопроса в губернском собрании гласные от Москвы сначала предлагали отложить рассмотрение доклада, считая его «мало освещенным». После того, как постановление все-таки было принято, они представили собранию особое мнение, а бывший городской голова кн. М.В. Голицын в знак протеста заявил об отказе работать в финансовой комиссии. В числе аргументов, представленных гласными (документ подписали Ижболдин, Бахрушин, кн. Голицын, Диатропов и Челноков), говорилось о необоснованности привлечения к налогообложению недвижимости, принадлежащей Московскому городскому самоуправлению, в частности, обложения доходов с мест «для постановки извозничьих экипажей», «для торга и увеселений», а также доходов с рек, каналов и прудов, «не имеющих даже признаков недвижимого имущества»⁴⁹. Кроме того, гласные указывали на завышенную оценку ценности городского имущества и нарушение тем самым основного принципа налогообложения – уравнительности.

В ту же сессию обсуждался доклад об организации при губернской управе расчетного отдела по окладному земскому сбору с недвижимости Москвы. Непосредственной причиной, побудившей земцев пойти на такой шаг, стал фактический саботаж город-

ским управлением решения земского собрания о взимании налогов с московской недвижимости по новой оценке. Окладные листы налогоплательщикам были разосланы из расчета старой оценки недвижимости, а в результате объем недоимки по платежам губернского сбора с Москвы в течение 1915 г. возрос с 0.3 до 1.09 млн руб.⁵⁰ После продолжительных прений по докладу земской управы гласные постановили: «1) Признать неправильными действия московской городской управы, собственной властью изменившей постановления губернского земского собрания о раскладке губернского земского сбора по г. Москве на 1915 г., поручить губернской управе принести жалобу на сказанные действия подлежащей власти» (решение принято 22 голосами против 9); «5) Освободить московскую городскую управу от дальнейшей рассылки окладных листов по губернскому земскому сбору и взимания этого сбора, возложить эти обязанности на губернскую управу» (23 голоса – «за», 10 – «против», 1 – воздержался)⁵¹. Наряду с этим городской управе предлагалось представить земству сведения, необходимые для взимания губернского сбора с московской недвижимости. Часть гласных, голосовавших «против» по большинству пунктов постановления, подали в собрание особое мнение. Среди них Астров, Бахрушин, Ижболдин, Катуар, кн. А. Кропоткин и Челноков – являлись представителями Москвы. Они настаивали на том, что «ни в земском положении, ни в решениях Правительствующего Сената нет указаний на то, чтобы одно общественное учреждение могло освобождать другое общественное учреждение от возложенных на него законом обязанностей, и потому предложение финансовой комиссии об освобождении городской управы от рассылки по Москве окладных листов и принятое земским собранием должно считаться незаконным»⁵².

Однако орган, призванный контролировать законность постановлений учреждений местного самоуправления, – губернское по земским и городским делам присутствие – в апреле того же 1916 г. утвердило решения, принятые губернским земским собранием. Получив дополнительное подтверждение своей правоты, губернская управа командировала в городское управление сначала бухгалтера «для ознакомления с делопроизводством по оценке недвижимых имуществ», а затем обратилась в городскую управу с просьбой допустить командированных ею лиц к получению необходимых сведений для составления окладных листов и снятия копий с документов и книг. Со своей стороны городская дума продолжила линию, направленную на отстаивание интересов городских налогоплательщиков, а именно, приняла постановление об отклонении как «не основанной на законе» просьбы земской управы о предоставлении сведений, необходимых для составления окладных листов. Попытка земства опротестовать приговор в Московском особом по городским делам присутствии успехом не увенчалась, так как члены присутствия посчитали, что предоставление земским служащим городских окладных книг не предусмотрено существующими законоположениями⁵³. Поскольку присутствие разрешило лишь вопрос о способе получения земством информации, губернская управа сочла возможным вновь обратиться в городскую думу с просьбой представить сведения об оценке тем способом, который окажется удобным для городского управления, но вплоть до конца 1916 г. никакой реакции со стороны городских структур не последовало.

Одновременно земцы решили перейти к более активным действиям. В ноябре 1916 г. была подана жалоба в Сенат на определение Особого присутствия. Наряду с этим в Сенат было направлено объяснение на жалобу Московского общественного управления по вопросу о размере земского сбора с недвижимых имуществ в Москве, а также губернская управа ходатайствовала перед Сенатом о совместном рассмотрении этих жалоб города и земства. Пытаясь представить дело в выгодном для себя свете, земцы постарались обратить внимание на этот конфликт представителей центрального управления. В частности, заключая заем и ходатайствуя о правительственной гарантии, губернская управа представила в Главное управление по делам местного хозяйства докладную записку с кратким изложением конфликта с городом как причины финансовых затруднений губернского земства, заставляющей его прибегать для исполнения сметы

к займам. В обращении также указывалось, что только скорейшее разрешение Сенатом поданных ему жалоб может восстановить нормальное течение земского хозяйства⁵⁴.

Рассмотрение жалобы в Сенате затянулось вплоть до октября 1917 г. И все это время городская управа по своему усмотрению рассылала окладные листы московским налогоплательщикам по оценке 1913 г., а губернское земство ежегодно рассчитывало собственный бюджет по данным генеральной переоценки, произведенной в Москве в 1914 г. В результате с 1915 по 1917 гг. это привело к появлению недоимки губернского земского сбора с московской недвижимости в размере 3.8 млн руб., и земство было вынуждено прибегать к правительственным займам для ликвидации дефицита бюджета⁵⁵. В 1917 г. губернское земство пыталось пополнить доходную часть сметы за счет увеличения оценки фабрик и заводов на $\frac{1}{3}$, а также повышения нормы обложения в Москве до 3.8, а в губернии до 4%⁵⁶. Тем не менее обеспечить этими мерами выход из финансового кризиса в полной мере не удалось, а для московского общественного управления последнее повышение размера земского сбора вообще оказалось лишено практического смысла, так как Временное правительство 21 мая издало постановление о выделении Москвы из состава губернского земства. Процесс этот планировалось начать с 1918 г. и завершить его в течение 10 лет⁵⁷. Однако последовавшие политические потрясения и смена государственной власти привели к тому, что закон фактически остался лишь на бумаге.

Подводя итоги, отмечу, что за долгий период налогообложения московской недвижимости отношения двух органов общественного самоуправления так и не нормализовались. Представители от Москвы в земском собрании всегда составляли оппозиционное меньшинство, считавшее своим долгом оспаривать не только текущее изменение размера земского сбора, но и сами основания его взимания. По сути, городские деятели так и не смогли смириться с поражением, допущенным в начале этой затянувшейся на десятилетия финансовой схватки, когда Сенат четко и недвусмысленно признал за земством весь объем прав по налогообложению недвижимого имущества Москвы. Попытки привлечь губернское земство к финансированию общественного призрения не привели к разрешению главного противоречия: несоразмерности земского сбора и расходов на нужды Москвы. Изменить эту ситуацию в принципе, уравнив обе части сметы в отношении городского управления, земцы не могли, поскольку тогда терялся смысл в привлечении этих немалых дополнительных средств. Поэтому гласные старались ограничиться красивой риторикой, пытаясь указывать на вполне очевидные вещи о взаимозависимости губернии и ее административного центра, о взаимной пользе от перераспределения расходов и т.п. Разрубить этот гордиев узел можно было лишь путем изменения законодательства, что и произошло на закате существования империи. Но увидеть практическую реализацию этих решений деятелям общественного самоуправления было не суждено.

Примечания

¹ Доклад Московской губернской земской управы Московскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1890 г. (далее – ДМГЗУ...), № 17. Об источниках земских доходов. М., 1890. С. 7.

² ДМГЗУ... 1891 г. № 38. Об отсрочке начисления пени за неплатеж в срок губернского земского сбора с недвижимых имуществ в г. Москве. М., 1891. С. 2–3.

³ Там же. С. 6–8.

⁴ Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ), ф. 184, оп. 2, д. 1081, л. 3 об.–4 об.

⁵ Там же, ф. 179, оп. 23, д. 550, л. 1.

⁶ Там же, ф. 184, оп. 2, д. 1092, л. 3–3 об.

⁷ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 538–539.

⁸ Постановления Московского губернского земского собрания очередной сессии 1894 г. (далее – Постановления МГЗС...) М., 1895. С. 93.

- ⁹ Сборник постановлений Московского губернского земского собрания с 1865 по 1897 гг. Т. 1. М., 1899. С. 19.
- ¹⁰ ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 79 об.; Доклад Московской городской управы 1899 г. № 223. О производстве новой оценки недвижимых имуществ в г. Москве. М., 1899. С. 38, 68.
- ¹¹ Доклад комиссии и губернской земской управы очередной сессии 1902 г. № 8. По вопросу об участии губернского земства в организации общественного призрения в г. Москве. М., 1902. С. 1, 3.
- ¹² ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 1–2; Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за ноябрь и декабрь месяцы 1899 г. М., 1899. С. 533–534.
- ¹³ ОР РГБ, ф. 70, карт. 77, д. 7, л. 55–55 об.
- ¹⁴ Подсчитано по: ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 66–67; *Важенин А.Г., Галкин П.В.* Московское земство в начале XX века: из опыта регионального самоуправления. М., 2004. С. 162.
- ¹⁵ Постановления МГЗС... 1901 г. М., 1902. С. 54.
- ¹⁶ Там же. С. 54–55.
- ¹⁷ Доклад комиссии и губернской земской управы очередной сессии 1902 г. № 8. М., 1902. С. 5–7, 19.
- ¹⁸ Постановления МГЗС... 1902 г. М., 1903. С. 75–78, 118–119.
- ¹⁹ Там же. С. 157–158.
- ²⁰ ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 72–72 об.; Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за ноябрь и декабрь месяцы 1903 г. М., 1904. С. 689.
- ²¹ Постановления МГЗС... 1903 г. М., 1904. С. 171–172.
- ²² Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за январь и февраль месяцы 1904 г. М., 1904. С. 19.
- ²³ Там же. С. 20–21.
- ²⁴ ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 106, 125, 160.
- ²⁵ ДМГЗУ... 1907 г. № 8. По вопросу об участии земства в организации общественного призрения в городе Москве. М., 1907. С. 1–2, 7.
- ²⁶ ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 1811, л. 124 об.
- ²⁷ Там же, л. 128.
- ²⁸ Там же, л. 152 об.
- ²⁹ Там же, л. 155 об.
- ³⁰ ДМГЗУ... 1908 г. № 5. О привлечении к обложению недвижимых имуществ, принадлежащих г. Москве и состоящих в черте города. М., 1908. С. 3–4.
- ³¹ Журналы Московского губернского земского собрания очередной сессии 1912 г. (далее – Журналы МГЗС...). М., 1913. С. 161–162.
- ³² ДМГЗУ... 1912 г. № 31. По вопросу об улучшении земских финансов. М., 1912. С. 3–4.
- ³³ Выписка из стенограммы губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. Заседание 9-го февраля 1915 г. // Постановления МГЗС... 1914 г. М., 1915. С. 142.
- ³⁴ Там же. С. 147.
- ³⁵ Там же. С. 157.
- ³⁶ Там же. С. 173–174.
- ³⁷ Выписка из стенограммы губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. Заседание 20-го февраля 1915 г. // Постановления МГЗС... 1914 г. М., 1915. С. 194.
- ³⁸ Там же. С. 196.
- ³⁹ Постановления МГЗС... 1914 г. М., 1915. С. 102.
- ⁴⁰ Доклад № 115 Московской городской управы, финансовой комиссии и совещания гласных-юристов по вопросу об обложении городских недвижимых имуществ губернским земским сбором. М., 1915. С. 5.
- ⁴¹ Там же. С. 7–8.
- ⁴² Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за март–июнь месяцы 1915 г. М., 1915. С. 346.
- ⁴³ Там же. С. 353.
- ⁴⁴ Там же. С. 350.
- ⁴⁵ Там же. С. 359.
- ⁴⁶ Журналы Московской городской думы за 1915 г. М., 1916. С. 117–118.
- ⁴⁷ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, ноябрь 1915 г. № 2. О привлечении к обложению губернским земским сбором недвижимых имуществ Московского городского общественного управления. М., 1915. С. 1.

- ⁴⁸ ДМГЗУ... 1915 г. № 10. Об оценке недвижимых имуществ Московского городского общественного управления. М., 1915. С. 1–2.
- ⁴⁹ Журналы МГЗС... 1915 г. М., 1916. С. 101–103.
- ⁵⁰ Отчет о деятельности Московского городского управления за 1915 г. М., 1917. С. 22.
- ⁵¹ Журналы МГЗС... 1915 г. М., 1916. С. 91.
- ⁵² Там же. С. 108.
- ⁵³ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, сентябрь 1916 г. № 9. Об обжаловании в Правительствующий Сенат постановления Особого по городским делам присутствия по вопросу о предоставлении Московской городской управой сведений об оценке недвижимых имуществ в Москве. С. 2–3.
- ⁵⁴ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, декабрь 1916 г. № 7. По вопросу о губернском земском сборе с недвижимых имуществ г. Москвы. М., 1916. С. 3.
- ⁵⁵ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, ноябрь 1917 г. № 1. О финансовом положении к 31 октября 1917 г. М., 1917. С. 4–5.
- ⁵⁶ Журналы МГЗС... 1916 г. М., 1917. С. 25.
- ⁵⁷ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998. С. 212.

© 2011 г. **Ф. А. ГАЙДА***

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ЛИДЕРОВ ПАРТИЙ

Кризис во взаимоотношениях между властью и общественностью по праву считается одной из основных причин революционных потрясений, произошедших в России в начале XX в. В отечественной историографии достаточно давно и весьма прочно утвердилось представление о начавшемся в 1910 г. общественном подъеме и «назревании революционного кризиса» в 1914 г. В советское время в ряде работ говорилось о складывании накануне Первой мировой войны «революционной ситуации»¹. На рубеже XX–XXI вв. о перспективе социально-политического кризиса «невиданных масштабов» накануне мировой войны писали А.В. Гоголевский и Э. Вишневский². В западной историографии наличие в России в 1914 г. политического кризиса также не отрицалось, хотя он и не рассматривался как революционный³. При этом на выводы исследователей заметно влияли споры государственных и политических деятелей 1910–1914 гг., живо обсуждавших перспективы политического развития России, в том числе и возможность новой революции. Между тем их размышления и оценки тех лет до сих пор специально не анализировались.

Советские историки, характеризуя предвоенное положение империи, опирались на довольно противоречивые ленинские высказывания. Пребывавший за границей революционный публицист далеко не всегда был последователен. Его основное внимание было сосредоточено на рабочем движении и правительственной политике. В ноябре 1910 г., узнав о демонстрации на похоронах С.А. Муромцева⁴, он поспешил заявить об окончании контрреволюции, но уже в июне 1911 г. вновь писал о продолжении «контрреволюционной эпохи» и «новой полосе периода контрреволюции»⁵. В июне 1912 г. в связи с весенними забастовками⁶ опять пошла речь о «революционном подъеме», но вплоть до конца 1912 г. В.И. Ульянов (Ленин) упоминал лишь о весенних событиях. «Условий революционной общественной обстановки», по его мнению, тогда еще не сложилось, рабочее движение имело стихийный характер⁷. В июне 1913 г. Ленин впер-

* **Гайда Федор Александрович**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.